

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

МИР СТРУГАЦКИХ
РАССВЕТ И ПОЛДЕНЬ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
М63

Разработка серии художника *Е. Савченко*

Иллюстрация на обложке художника *М. Петрова*

Серия основана в 2003 году

Составители сборника *И. Минаков, М. Гелприн, Л. Демина*

М63 **Мир** Стругацких. Рассвет и Полдень / сост. И. Минаков. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 640 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-94510-8

Таинственный незнакомец открывает молодому астроному ужасающую правду о грядущей судьбе человечества. Верить ли пришельцу из будущего или... продолжать заниматься своим делом?..

Бойцовый Кот Гаг наконец-то встречается в лукавом мире земного Полдня настоящего человека. Он даже готов отдать этому загадочному русскому свой автомат...

Зона Посещения в России гораздо опаснее Хармонтской, но стоит ли нашим сталкерам рассчитывать на Золотой Шар?..

У начальника канцелярии Хрона Монадовича Вия только одно заветное желание, а у программиста НИИЧАВО Саши Привалова лишь несколько мгновений, чтобы его остановить...

Эти и другие захватывающие истории — в новом сборнике из цикла «Мир Стругацких»! Первая книжная публикация найденного в архивах рассказа Аркадия и Бориса Стругацких «К вопросу о цикло-тации»!

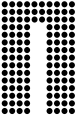
УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бариста А., Белаш А., Белаш Л.,
Вереснев И., Владимирский В.,
Гелприн М., Головлёва Н., Громов А.,
Золотко А., Клещенко Е., Крич Ж.,
Матюхин А., Минаков И., Никитин Д.,
Остапенко Ю., О'Рэйн, Стругацкий А.,
Стругацкий Б., Таран А., Тихомиров М.,
Шатохина О., Щетинина Е.,
Ярлова Л., Ясинская М., 2017

© Состав и оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-94510-8

От составителя

 риступая к составлению этого сборника, я не был уверен, что нам удастся его собрать. Не оттого, что текстов по мотивам творчества АБС пишут мало — их как раз великое множество. А потому, что создать достойное произведение «по мотивам» очень и очень нелегко. А когда речь идет об АБС с их многогранной философией, уникальной стилистикой, фирменным юмором, с их героями, наконец, — в особенности.

Когда коллеги предложили мне участие в этом проекте, я для себя решил, что соглашусь лишь при условии, что сборник будет основываться не на рассказах мэтров. Что произведение мэтра попадет в него только и только в том случае, если выдержит конкуренцию. Об этой конкуренции я в двух словах сейчас расскажу.

Принято считать, что последним явлением в русскоязычной фантастике была так называемая цветная волна. Читая многочисленные критические статьи на эту тему, можно прийти к выводу, что после цветной волны, которая пять, а то и десять лет назад отцвела, короткую форму стали писать исключительно подмастерья. Некая безымянная толпа, производящая на свет литературу второй, если не третьей, свежести.

Более того, подобный вывод мне не раз приходилось слышать от весьма эрудированных читателей. «Назовите мне имена, — неоднократно слышал я. — Кто может сравниться с последними могиканами из цветной волны — с Дмитрием Колоданом, Шимуном Врочекком, Иваном Наумовым, Кариной Шаинян и еще десятком талантливых авторов, которые почему-то в последнее время пишут крайне и крайне редко, короткую форму в особенности».

Я называл имена, давал ссылки, но в ответ, как правило, слышал — «мы таких не знаем». Немудрено, потому что для того, чтобы знать писателя, надо его читать.

Я горжусь тем, что на этот раз сборник составлен преимущественно из произведений именно тех, кого «мы не знаем». В нем нет ни одного «громкого имени». Зато в нем есть тексты. И с моей точки зрения, — а это точка зрения практикующего рассказчика, — отличные тексты.

Оговорюсь: составить сборник из сплошных шедевров невозможно. Литературный хит — товар штучный, на конвейере хиты не производятся. Поэтому в каждом сборнике, кто бы и по какой бы методике его ни составлял, найдутся тексты разного уровня.

Я горжусь тем, что в этот сборник нам удалось отобрать с десяток рассказов, про которые я — не как составитель, а как читатель — могу сказать: «Это отличный текст». Я не стану их сейчас перечислять, потому что мое читательское мнение, как и любое прочее, субъективно, а значит, другим наверняка понравятся те рассказы, которые мы сочли достойными включения в сборник, но я лично оценил ниже конкурентов.

Итак, из почти сотни поступивших нам произведений мы отобрали те, которые составительская команда считала лучшими. И авторы этих текстов не только опытные Юлия Остапенко, Александр Золотько, Елена Клещенко, Марина Ясинская, Игорь Минаков, а также те, кто сейчас стремительно взбегаёт по литературной лестнице вверх. Ольга Рэйн, Елена Щетинина, Женя Крич, Александр Матюхин, Агата Бариста, Андрей Таран — обратите внимание на эти имена, уважаемые читатели. И на написанные этими авторами произведения.

Напоследок позвольте сказать, что составители и авторы потратили немало времени и сил на то, чтобы выпустить качественный — подчеркиваю, качественный! — сборник, охватывающий широкий спектр из наследия АБС. Мы надеемся, что нам удалось решить поставленную задачу. И сообща взять планку, установленную на весьма значительной высоте.

Ну а судить об этом, дорогие читатели, вам.

Майк Гелприн

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ
БОРИС СТРУГАЦКИЙ

К ВОПРОСУ О ЦИКЛОТАЦИИ

 обрабатывал дневники за складным столиком. День был жаркий, и я сидел в ватных штанах и сапогах, но голый по пояс.

Этот человек вышел из-за палатки и остановился в нерешительности, поглядывая на меня исподлобья. Я не очень удивился, то есть не удивился его появлению. К нам иногда заходили гости: чабаны, молчаливые деликатные люди; туристы, изможденные, как солдаты на походе; местное начальство, верхами, на громадных лошадях. Но таких посетителей я еще никогда здесь не видел. Он явно не был ни балкарцем, ни кабардинцем, ни карачевцем, внешность у него была чисто русская, более того, сугубо городская: бледные щеки, модная прическа, хорошо вымытые руки. И одет он был странно — в отличный современный костюм и остроносые туфли. Это в ста километрах от ближайшего города, в мокрых горах, где дороги грязны и разбиты. Он не поздоровался. Он просто спросил:

— А вы что делаете?

Было такое впечатление, будто он только что задавал этот вопрос другим людям.

— Работаю, — ответил я немного растерянно. Я подумал, что он, может быть, приехал инспектировать нашу точку.

— Я понимаю, что вы работаете, — сказал он. — Я хотел спросить: над чем работаете? Чем занимаетесь?

— Над чем работаю?.. А в чем дело?

— Я просто так... — он огляделся. — Мне интересно... Вот палатки тут у вас... А это что такое?

— Это? Это телескоп. Называется ТЭМ-140.

— Тэм сто сорок... — повторил он тихо.

— Телескоп экспедиционный менисковый, — пояснил я. — Диаметр объектива — сто сорок миллиметров.

— Миллиметров... — он поднял брови. — Объектив.

Да кто он такой, в самом деле, подумал я. Чего ему надо? Я спросил:

— Вы не с базы?

— База... Нет, я не с базы... А почему он под чехлом?

— Чтобы солнце не раскаляло. Вы не турист?

Он замялся.

— Пожалуй, меня можно назвать туристом. А что вы с ним делаете?

— С кем? Ах, с телескопом?.. Ну что делают с телескопом? Мы наблюдаем.

— Что наблюдаете?

— Качество изображений.

— Качество... — он опять поднял брови. — Ну и что же?

— Слушайте... — начал я решительно и замялся. Я хотел объяснить ему, что занят и вообще не могу говорить на произвольные темы с незнакомым человеком, но мне вдруг стало неловко, было что-то детское в его вопросах, не похожее на праздное любопытство.

Он глядел на меня испуганными круглыми глазами.

— Присаживайтесь, — сказал я. — Хотите чаю?

Он помотал головой.

— Нет, я не хочу чаю. Но я сяду.

Он поднял с земли складной стул, нерешительно повертел его в руках, раскрыл и осторожно сел. Мы помолчали.

— Я вижу, вы не местный, — сказал я.

— Н-нет...

— Издалека?

— Из центра, — сказал он.

— Из центра? Из какого центра?

— Из центрального, — сказал он простодушно. — Я прибыл из города.

— Что же вы, по воздуху летели? — спросил я подозрительно.

— Н-нет... А что?

— Пешком? Слишком уж у вас чистые туфли.

— Как... чистые? — Он покраснел и задвигал ногами. — Ну и что же, что чистые?

— Ну, знаете... — сказал я и вытянул свои ноги в сапогах. Сапоги имели довольно обычный для этих мест вид. — Вот полюбуйтесь.

— Ах, вы это имеете в виду? — сказал он, вдруг просияв. — Но у меня тоже так!

С этого момента все и началось. Оказалось, что на нем тоже сапоги — огромные сапоги, заляпанные черной грязью. Я испытал что-то вроде удара, когда это увидел. Я подумал, что либо сплю сейчас, либо спал, когда он появился.

— Все это не имеет значения, — сказал он успокоительно. — Я только хочу понять, что у вас к чему...

— Как вы это сделали? — спросил я, облизывая губы.

— Совершенно не имеет значения, — сказал он нетерпеливо. — Это лишь фокус.

— Вы что — фокусник?

— Да, я фокусник. Это фокус. Или, например, вот... — он вытянул ладонь, и на ней появилась монетка, затем он повернул ладонь, и монетка исчезла. — Всего лишь фокус, — повторил он.

— Очень интересно, — проговорил я. — Всегда мечтал побеседовать с фокусником.

Честно говоря, я уже тогда понимал, что он не фокусник, но уж так мы устроены, что стараемся все необычное немедленно втиснуть в рамки привычных представлений. Век рационализма, ничего не поделаешь...

— А я мечтал побеседовать с ученым, — сказал он. —
Ведь вы ученый?

— Да-да... Вернее, научный сотрудник.

— Это не одно и то же?

— Не всегда...

— Не всегда... Ну хорошо, пусть не всегда... А как вы
стали ученым?

— Станный вопрос... Учился, читал, работал...

— Я неправильно спросил. Я хотел спросить — по-
чему?

— Что?

— Ну чем вы занимаетесь? Кто вы?

— Астроном.

— Астроном... А зачем?

— Что — зачем? Зачем я астроном?

— Да.

— А зачем вы фокусник?

— Я... Я другое дело.

— Почему это вы — другое дело?

Он нетерпеливо заерзал.

— Я хочу задать вам несколько вопросов, — сказал
он. — Можно?

— Можно. Вы и так только и делаете, что задаете во-
просы, а я не могу понять, что вам нужно.

На лице его изобразились растерянность и досада,
словно он был недоволен собой.

— Да, конечно... Я понимаю. Вы не сердитесь. Я никак
не могу... В общем, так. Давайте, я начну так. Что вот это
все? — он обвел рукой вокруг.

— О чем это вы?

— Вот это все... Вы, палатки, телескоп.

— Это экспедиция, — сказал я. — Мы ищем место для
установки нового большого телескопа.

— Зачем?

К таким вопросам я привык.

— Телескоп дорогой. Его надо поставить в таком ме-
сте, где хороша прозрачность, редко бывают облака, спо-

койная атмосфера. Чтобы каждую ночь можно было на нем наблюдать. Чтобы он окупил себя, понимаете? Чтобы не простаивал и давал хорошие снимки. — Он напряженно слушал, приоткрыв рот. — Это то же самое, как если строят металлургический завод. На пустом месте его не строят. Сначала стараются разведать мощное месторождение, проверяют, надолго ли хватит запасов руды... Понимаете?

— Понимаю, — сказал он. — А зачем?

— Что — зачем?!

— Нет... это я так... давайте еще что-нибудь про телескопы.

— Про телескоп я уже все рассказал. Вот по всей стране разослали экспедиции. Мы наблюдаем звезды, оцениваем в числах качество изображения. Набираем материал за много дней, а потом будем сравнивать, где он лучше, где хуже. В том месте, где изображения самые хорошие, где самый большой процент ясных ночей, там поставят большой телескоп.

Он слушал внимательно, но у меня было такое чувство, будто его интересует что-то совсем другое.

— Понятно? — спросил я.

— Да. Я только не понимаю, зачем это вам?

— Ну как — зачем? Мы астрономы. Мы исследуем космос...

И тут он словно взорвался.

— Зачем вам космос?! — закричал он. Лицо его перекопилось и пошло пятнами. — Зачем вам все это: космос, телескопы, заводы, овцы?! Вы обречены, понимаете? Разложение... распад... рассинхронизация! — Он выкрикнул несколько странных, совершенно незнакомых мне слов, похожих на научные термины. Я запомнил только одно — что-то похожее на «циклотацию». — Что произошло здесь у вас? Как произошло здесь у вас? Как случилось, что вы стали узнавать, и менять, и исследовать... Объектив! Миллиметр!.. Можно понять — дома. Пусть овцы... Усложнение потребностей. Развитие специализации кле-

★ точных колоний... Но космос! Но спутники! И ваша история!.. И вы знаете, помните, и никто понятия не имеет о циклотации!.. Сложнейшая общественная жизнь, политика, войны, расы и племена!.. Интересы, интересы, интересы!.. Человеческие, космические!.. И ваше солнце! Вы сгустили его! И это в условиях социальной неразберихи!.. И непонятно, непонятно... — Он дрожал и чуть не плакал. — Я ничего не узнаю здесь... Я хотел совсем другого... Задача ставилась так ограниченно: двухступенчатая циклотация с трехмерным выходом... Некоторое укрупнение клеток. Допускаю. Пусть простейшие, пусть даже растения, зеленый цикл... Хотя не понимаю, почему хлорофилл при светиле такого класса?.. Ну кто мог предвидеть такую эволюцию на базе псевдожизни!..

Я сходил в палатку и принес чайник с холодным чаем. Мне было страшно. Я не врач и никогда не видел таких сцен. Что-то неприятно извращенное чудилось мне в его словах, в его бреде, в его нервной дрожи. И в то же время я ощущал: все это каким-то образом касается меня лично и всех нас вообще.

— Выпейте-ка, — сказал я по возможности спокойно, наливая чай в чашку.

Он непонимающе уставился на меня.

— Зачем?

— Все бы вам знать — зачем, зачем... Выпейте, успокойтесь.

Он резко отвел мою руку с чашкой.

— Не успокоит это меня, — сказал он с досадой, но уже спокойнее. — Почему вы все такие смешные — успокойтесь, успокойтесь... Я вас должен успокаивать, а не вы меня. Вы понимаете, что вас ждет?

— Кого? — спросил я. — Меня?

— И вас, может быть... Хотя нет, вас — нет. Слишком рано. Но всех остальных, которые будут потом... Диссипация... — Он замолчал, выкатив глаза. — Страшно представить, — пробормотал он. — Все в один день. Сначала

старики, потом молодые... Дети останутся среди мертвых, рассыпающихся в порошок... — Его передернуло.

Я, холодея, ждал. Вы представить себе не можете, как страшно и неприятно было на него смотреть. Хорошо одетый, симпатичный человек, с приятным лицом, и вдруг глаза начинают поблескивать и косить, рот передергивается, и несется бред, полный глубокой трагической убежденности.

— Послушайте, — снова начал он, — скажите честно... только не обижайтесь и не думайте, что это глупая шутка... мне совсем не до шуток. Так вот... только честно! У вас никогда не появляется потребность... как бы это объяснить... Словом, вам никогда не хочется войти в воду и делать вот так?

Он стал как-то странно раскачиваться, делая забавные, но очень сложные движения руками и головой. На первый взгляд эти движения были совершенно нелепы, но они не казались никчемными, в них чувствовалась какая-то целеустремленность, что-то они мне напоминали, то ли движения какого-то механизма, то ли чьи-то профессиональные жесты — массажиста, фокусника, гипнотизера... В них ощущалась некая «нужность», это не были движения «просто так». Это были движения «зачем-то». Я следил за ним как зачарованный. Он перестал и посмотрел на меня.

— Нет? Никогда не хотелось?

Я почесал в затылке.

— Знаете, говоря честно — нет. Хотя они что-то мне напоминают, эти ваши эволюции. Не могу только припомнить — что.

Он горестно покивал.

— Да. Понимаю вас. Этого и следовало ожидать.

Он замолчал и глубоко задумался. Я тоже молчал, глядя на него. Я все пытался понять, что это значит, кто он такой и что мне с ним делать, если это сумасшедший. Все-таки больше всего он был похож на сумасшедшего.

— Это и есть циклотация, — сказал он наконец тихо. — Не сама циклотация, но кинематический ритм, для циклотации здесь нет материала, и поэтому выход мал. Да вы и не заметили бы его. Выход происходит в другом темпе времени... Скажите, а слово «циклотация»... Впрочем, я говорю чушь.

— Вы хотите спросить, знакомо ли мне слово «циклотация»?

— Да... Но это чушь. Откуда вам его знать? Это я сказал пустяк.

— Я должен вам сказать, что... «цикл» — это распространенное слово, и поэтому...

— Нет, нет, не будем об этом. Это пустяк... Еще один вопрос. Последний. Самый последний. Вы астроном, да? Я кивнул.

— Правильно я понимаю, что вас интересуют физические процессы, происходящие в масштабах весьма больших сравнительно с планетной единицей длины?

— В общем, да.

— Строение звезд, строение звездных систем?..

— Да... галактики. Метагалактика... космогония, космология...

— Так. Тогда вопрос. Только честно. Вы... Вас... Вот вас лично это действительно увлекает? Вас эти проблемы действительно побуждают к деятельности?

— В общем, да. Несомненно. Все это чрезвычайно увлекательно.

— Увлекательно... А вы никогда не спрашивали себя: зачем? Зачем это вам, собственно, надо? Почему просто не существовать — питаться, размножаться, оберегать себя и потомство?

Теперь он говорил совершенно спокойно и рассудительно. Такой вопрос, по-моему, рано или поздно приходит в голову практически любому человеку. Мне он тоже приходил. И много раз мне приходилось спорить на эту тему. Я сказал:

— Все это не просто. Дело, вероятно, в том, что человек основательно отличается от животных. Ему органически присуща потребность в избыточной информации: инстинкт познания. Вопрос «зачем» не имеет смысла. Познание — это необходимость. Это свойство мощной нервной организации. Это не зависит от нашего «я». Это нам присуще так же, как собаке — отличный нюх, а птице — отличное зрение... Я, наверное, недостаточно четко выражаюсь?

— Нет. Достаточно. Я понимаю. К сожалению, я все отлично понимаю. — Он, помрачнев, откинулся на спинку стула. — Я понимаю главное: как-то, почему-то, каким-то страшным попусчением вы стали носителями разума.

— Кто — мы?

— Вы. Все.

— А вы?

— Я — другое дело, — сказал он устало. — Я, собственно, преступник. А точнее — я просто неудачник. Я не сумел. Может быть, ошиблась машина. Может быть, какая-то логическая прореха. Все это выяснится. Все это выяснится очень скоро... только, пожалуй, слишком поздно...

— Простите, — сказал я, решившись, — а что, собственно, произошло? Что это с вами?

Он печально рассматривал меня своими красивыми серыми глазами. Не могло быть у сумасшедшего таких глаз. Стоило ему стать таким — спокойным и печальным, как я начинал ему верить. Это от меня не зависело.

— Да, естественно, — сказал он. — Вы хотите понять. Вы — не циклотатор, вам хочется разобраться во всем. — Он подался вперед и положил ладонь на мою руку. — Человек, — сказал он. — Хорошо! Если бы не точка останова, все было бы великолепно. Это была бы счастливая ошибка. Но!..

Я ждал. Он убрал руку и продолжал:

— Коротко говоря, все вы были задуманы как циклотаторы. Это такие машины, вы не поймете... Два милли-